

S T U D I A P H I L O L O G I C A

В. В. Дементьев

КОММУНИКАТИВНЫЕ ЦЕННОСТИ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ

Категория личности
в лексике и прагматике

ГЛОБАЛ КОМ
МОСКВА 2013

УДК 811.161.1

ББК 81

Д 30

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям
в рамках Федеральной целевой программы «Культура России (2012—2018 годы)»

Дементьев В. В.

Д 30 Коммуникативные ценности русской культуры: категория личности в лексике и прагматике. — М.: Глобал Ком, 2013. — 336 с. — (Studia philologica).

ISBN 978-5-9551-0541-3

В монографии исследуется языковая и речевая репрезентация коммуникативных ценностей русской культуры: в лексике, идиоматике, грамматике русского языка, вербальной и невербальной коммуникации, фатике и ее жанрах, речевом этикете.

Данные ценности рассматриваются на широком культурном фоне, в связи с ключевыми идеями русской культуры. Много внимания уделяется категории личности и обусловленным ею языковым и коммуникативно-речевым явлениям.

Отдельные микроисследования посвящены коммуникативным ценностям в различных сферах современной русской речи.

Для лингвистов, преподавателей и студентов-филологов.

ББК 81

В оформлении переплета использована картина И. Репина «Какой простор!», 1903 г.

Вадим Викторович Дементьев
КОММУНИКАТИВНЫЕ ЦЕННОСТИ
РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ

Категория личности в лексике и прагматике

Художественное оформление переплета С. Жигалкина
Подписано в печать 21.12.2012. Формат 60×90 1/16. Бумага офсетная № 1, печать офсетная, гарнитура Таймс. Усл. печ. л. 21. Тираж 1000 экз. Заказ №
Издательский дом ЯСК, издательство «Глобал Ком». № госрегистрации 5087746245428.
Phone: 959-52-60 E-mail: Lrc.phouse@gmail.com
Site: <http://www.lrc-press.ru>, <http://www.lrc-lib.ru>

ISBN 978-5-9551-0541-3

© Глобал Ком, 2013
© В. В. Дементьев, 2013

Оглавление

Введение	7
ГЛАВА I. Коммуникативный концепт и коммуникативная ценность	31
1.1. «Постулаты» и «теоремы» в современной коммуникативистике	31
1.2. Концептологический подход в лингвокультурологии: ценность в системе смежных понятий	45
1.3. Ценностно-концептологический подход к изучению коммуникации: культурно поддерживаемые и неподдерживаемые формы коммуникации	56
ГЛАВА II. Ключевые идеи русской коммуникативной культуры	63
2.1. Коммуникативные сценарии русской культуры	63
2.2. Персональность в русском языке и культуре. Оценочная шкала / оппозиция [Р] ~ [–Р]	83
2.2.1. Оппозиция [Р] ~ [–Р] и русский новояз («гражданский слог», светская речь, «канцелярит»)	92
2.2.2. Оппозиция [Р] ~ [–Р] и жаргонно-обценный «низ» русской речи	106
2.3. <i>Разговор по душам</i> как коммуникативная проекция концептов <i>дружба, правда, душа</i>	115
2.4. <i>Разговор по душам и светская беседа</i> как два коммуникативных идеала	131
2.5. « <i>Задумчивость</i> » vs. « <i>светскость</i> » vs. « <i>гламурность</i> » в современной русской прессе	160
2.5.1. <i>По душам</i> в современной русской прессе	161
2.5.2. <i>Светский</i> в современных контекстах	170
2.5.3. <i>Гламурность</i> как новая <i>светскость</i> ?	171

ГЛАВА III. Коммуникативные ценности в русском языке ..	190
3.1. Категоризация коммуникативных идей в русской лексике и идиоматике	190
3.2. Оппозиция [Р] ~ [-Р] в лексике: <i>киллер vs. убийца, мастер vs. профессионал</i> и др. персонально релевантные лексические оппозиции	209
ГЛАВА IV. Коммуникативные ценности в русской речевой системе	221
4.0. Постановка проблемы: место коммуникативной ценности в параметризации речи	221
4.1. Ценности русской фатической и информативной коммуникации: относительность победы информатики над фатикой и унисона над диссонансом	226
4.2. Этикет и непрямая коммуникация / косвенность в русской речи: маргинальность косвенных директивов и пиррова победа манипуляций	237
4.3. Фатическая центробежность	256
4.4. Национально обусловленные аномалии общения	264
Заключение	270
Список использованных сокращений	276
Библиография	277
Предметный указатель	302
Указатель лексем	316
Указатель речевых единиц	324
Указатель имен	330

Введение

Коммуникативные ценности существуют в любой национальной культуре, но, по нашему мнению, именно в русской культуре их значение, по сравнению с другими культурными ценностями, особенно велико.

Русская культура в высокой степени коммуникативна. Этим определялись и определяются нормы общежития: наличие *разных* (многих) восточнославянских племен, огромная территория расселения наших предков с множеством *разных* местных народов и культур обусловили формирование таких качеств русского национального характера, как, с одной стороны, способность находить общий язык с представителями иных культур, с другой – учиться у них. Не будет преувеличением сказать, что под знаком обостренной коммуникативности прошла вся история русской культуры, в частности, отношения с западными культурами, вызвавшие к жизни целый ряд значимых аспектов русской коммуникации, особенно в высоких сферах – философии, науки, искусства, литературы.

Обращает на себя внимание очень большая **ценность** коммуникации в целом, *общения* – больше, чем во многих других культурах, высокая коммуникативность очень многих (если не всех) ключевых концептов русской культуры – *душа, правда, справедливость, искренность*.

Многие исследователи ключевых идей русской языковой картины мира выделяют, наряду с традиционным представлением о широте и щедрости русской души, особую *теплоту* и *интимность*, «*родственность*» *отношений с людьми*, которая распространяется в равной степени на «своих» и «чужих», «служит образцом доброго отношения к людям вообще» [Зализняк, Левонтина, Шмелев 2005: 246].

Специфику русской коммуникации обуславливает связь многих собственно коммуникативных моментов с **нравственными** категориями, оценками, оценочной деятельностью.

Отмечалось, что исторической основой «практической нравственности» русского человека было православие с его бескомпромиссной позицией в отношении духовной жизни, поляризацией добра и зла и отсутствием «срединности», «нравственных пустот», направленностью на внутреннее самосовершенствование как основание идеи бессмертия души и вечной жизни. Религия стала «детерминирующим началом для менталитета» [Емельянов 2003: 52], определяя стремление русского человека выверять свои поступки в соответствии с нравственным законом, его внеземность голосу совести и нравственному долгу. Этот закон оставался главенствующим и в общественно-экономической деятельности, что обозначило ее подчиненное место в ценностной системе русских [Громыко 2000; Кузьменкова 2005; Шалина 2010].

В работах А. Хомякова, Вл. Соловьева, Н. Бердяева отмечалось, что исторически сложившимися характеристиками русского этноса являются отрицание прагматической предприимчивости, расчета, коммерческой хватки, враждебное отношение к практицизму и позитивизму. Например: «Жизнь по сердцу создает открытость души русского человека и легкость общения с людьми, простоту общения, без условности, без внешней привитой вежливости» [Лосский 1991: 292]. Ср. рассуждения Н.А. Бердяева о русской ментальности и общении: «Всякий истинно русский человек интересуется вопросом о смысле жизни и ищет общения с другими в искании смысла, <...> умудряется даже самым практическим общественным интересам придавать философский характер» [Бердяев 1998: 176].

Языковое выражение «русской этики», то есть морально-ценностных категорий в структуре общей языковой оценочной картины мира, неоднократно становилось объектом внимания лингвистов [Апресян 1995; Арутюнова 1999; Воробьев 1997; Зализняк, Шмелев, Левонтина 2005; Колесов 1991; Логический анализ языка 2000; Маслова 2001; 2011; Степанов 1997; Уфимцева 1998; Шпет 1996]. Ср. составленный Н.В. Орловой «этический словарь» из лексем современного русского языка, содержащих этическую оценку (объектом положительной / отрицательной этической оценки может выступать сам человек или другие люди, их личностные качества, отношение к дружбе, Богу, труду, делу, материальным благам, трудностям, правде и свободе, сексу; умение / неумение быть искренним, естественным; наличие / отсутствие стыда, совести, внутреннего содержания, духовного нача-

ла, убеждений и др.): *скупец, наглый, издеваться, кровопийца, подруга, хвостун, возгордиться, богохульник, паясничать, подлиза, шлюха, терпеливый, трудяга, халтурить, жульничать, покладистый, прощелыга* и др. [Орлова 2006: 259-260].

Одним из наиболее ярких, обращающих на себя внимание качеств русского национального характера является четкое представление о коммуникативности высшей, которая неразрывно связана с наиболее высокими нравственными идеями, такими как достойная жизненная позиция, цель жизни, и одновременно является очень интимной, почти бытовой. Эта содержательная, эмоциональная и нравственная кульминация русской коммуникации может быть определена как *открытие души*. Русская *душа* тоже есть и высокое нравственное понятие, и одновременно очень личное, интимное, как было показано в целом ряде работ по русской семантике [Арутюнова 1999; Булыгина, Шмелев 1997; Степанов 1997; Шмелев 2002]. Соответственно *открытие души* тоже входит в сферу конкретных, непосредственных коммуникативных установок (готовность к *открытию души*, более того – горячее желание, чтобы это произошло, является одним из ключевых качеств русского национального характера) и одновременно постоянных нравственных характеристик личности (способность *открыть душу* – одно из наиболее высоких нравственных требований, предъявляемых к человеку).

Во многом «очень коммуникативно-русское» звучание присуще идеям великого русского мыслителя М.М. Бахтина, существенно обогатившего мировую теорию диалога, создавшего теорию полифонического романа (работая над ней, он ориентировался на тексты другого русского национального гения – Ф.М. Достоевского) и теорию речевых жанров (работая над ней, он ориентировался на доминанты русского *разговора по душам*, как мы покажем ниже). Не случайно прежде всего в русской культуре, по мнению Бахтина, человека можно «раскрыть – точнее, заставить его самого раскрыться – лишь путем общения с ним, диалогически. <...> Только в общении, во взаимодействии человека с человеком раскрывается и “человек в человеке”, как для других, так и для себя самого» [Бахтин 1963: 338].

«В русской культуре идеал “*правды*” связан с положительной оценкой того, чтобы говорить другим людям, что у тебя *на душе* и что

ты на самом деле думаешь, – пишет А. Вежбицкая. – Идея о том, чтобы “открыть себя” для другого человека, а тем более, чтобы “раскрыть другого человека”, идет гораздо дальше, чем значение английского слова *dialogue* и чем нормальные ожидания и нормы, связанные с современным английским языком» [Вежбицкая 2002: 29].

«Общаться по-русски значит что-то вроде ‘разговаривать с кем-то в течение некоторого времени ради поддержания душевного контакта с этим человеком’, – добавляют Анна А. Зализняк, И.Б. Левонтина и А.Д. Шмелев. – Слово *общаться* содержит, кроме того, положительно оцениваемую идею непрактичности, бесцельности этого занятия и получаемых от него удовольствия или радости, ср. *радость общения; ты получишь большое удовольствие от общения с ними и т. п.*» [Зализняк, Левонтина, Шмелев 2005: 280-281].

М.С. Уваров высказывает предположение, что исповедь лежит в основе текстов православной культуры, а проповедь – католической. Для православной культуры исповедальность, граничащая с покаянием, является абсолютной ценностью. Исповедальность в русской культуре (в том числе в литературе) имеет прямое отношение к смыслу жизни, тогда как проповедь, предполагающая значительно большую формализованность и контроль над своим поведением, хотя и пересекается с исповедью (в католической культуре она неотличима от нее), но воспринимается как слишком узкая и вторичная: «Традиция, воплощенная в образах Зосимовой и Оптиной пустыни, или же легендарное молчаличество Андрея Рублева во многом чужды прямолинейной проповедальности, а сам символ проповеди – при всем его значении для русской культуры – все же оказывается несколько сглаженным, вторичным» [Уваров 1992: 7].

Этой обостренной коммуникативностью, исповедальностью – в высшем, сакральном, смысле – объясняется кажущаяся почти невероятной представителям многих других культур терпимость к соседу, партнеру, собеседнику, осознание необходимости понимания его и своих различий – и смиренная готовность к тому, что путь к пониманию будет трудным, что полного понимания может не быть (как может не быть окончательной истины в постижении мира в целом и отдельных его частей), соответственно готовность принять свое несовершенство и даже неправоту.

Кроме того, специфика русской коммуникации в значительной степени проистекает из **оппозитивности** русской культуры,

которую в самом общем виде можно понимать как непроработанность, неважность или общую культурную неподдержанность «середины» при подчеркнутой проработанности «крайностей».

Ю.М. Лотман и Б.А. Успенский [1994] усматривают историко-культурные истоки общей оппозитивности русской культуры в том, что в православии отсутствует понятие чистилища, очень важное для западной, католической культуры, и что в связи с этим жизнь на земле тоже представляется или как грешная, или как святая, без промежуточной зоны. На Западе промежуточная зона, связанная с понятием чистилища, стала после Реформации структурным резервом, на основании которого даже в протестантских странах могло развиваться представление о нейтральной жизни на земле, в то время как русская культура продолжала развиваться на основании поляризованных, черно-белых моделей. Соглашаясь с точкой зрения ученых, А. Вежбицкая считает, что основные русские культурные ценности (идеологические, политические, религиозные) располагаются в двуполусном ценностном поле, разделенном резкой чертой и лишенном нейтральной аксиологической зоны. Отражением в языке этого явления становятся такие (часто употребляемые) экстремальные слова, как *подлец*, *негодяй* или *мерзавец*, *сволочь* (у которых нет эквивалентов в английском языке), и, с другой стороны, такие выражения, как *прекрасный человек*, *благородный (благороднейший) человек*, *чистая душа* и т. п. [2002].

В русской культуре вследствие дуальной ценностной ориентации новое смыслилось не в категориях преемственности, эволюции, а как революционная ломка, «эсхатологическая смена всего» [Лотман, Успенский 1994: 341]. Так, на разных этапах развития русской культуры возникали культурно значимые противопоставления типа «христианство ~ язычество», «христианство ~ мусульманский мир (татары, жители Кавказа, Средней Азии)», «православие ~ католицизм», «правильная вера ~ ложная вера», «европейское просвещение ~ патриархальный обскурантизм и азиатчина», «Россия ~ Запад», «знание ~ невежество», «социальный верх ~ социальный низ». В то же время переориентация ценностей, ломка старых отношений сопровождается внедрением некоторых старых моделей в новое мировоззрение в их зеркальном отображении (когда, например, такие языческие по сути праздники и ритуалы, как гадание на Святки, признаются христианской традицией). Таким образом, всякая новая система ценностей не просто противостоит старой как сменяющий ее этап – она уже в самой себе содержит дуальность как органическую часть.

Эти особенности русской коммуникации рассматриваются многими современными исследователями, которые иногда пытаются

так объяснить истоки «коммунистической», «тоталитарной» ментальности у постсоветских русских. Так, высказываются мнения, что особенности менталитета носителей русского языка проявляются в показательных коммуникативных моделях поведения, которые значительно отличаются от коммуникативных моделей, характерных для английского языка, в первую очередь, большей категоричностью («императивностью», «импозитивностью», «эмоциональной эгоцентричностью» и в то же время «анонимностью» (ср. распространенную в русской научной речи модель «*как представляется/думается/можно предположить*» и т. д.), «дистантностью» или, напротив, полным ее отсутствием, и т. п. [Halliday 1978].

По мнению Дж. Бергмана, между двумя, на первый взгляд, тождественными установками, свойственными «западной» («правовой», демократической) и «русской» (коммунистической/ деспотической/ тоталитарной) этическим системам – «Не делай зла!» и «Делай добро!» (а для русских последнее намного лучше, привычнее и привлекательнее) существуют непреодолимые противоречия. Так, «делание добра» допускает применение «злых» методов (ср. «*Вперед, к победе коммунизма!*» – любыми (!) методами, средствами, путями: через запреты, гонения, ссылки, казни; ср. максимально циничное отношение к человеку в тоталитарной советской идеологии, воплотившееся в виде номинации «*винтик (в механизме)*» и предикации «*(Лес рубят) щепки летят*» [Bergmann 1998: 137].

Данное качество обуславливает целый ряд формальных особенностей русской коммуникации, в том числе – конкретных речевых норм, речевых жанров, формул речевого этикета и обращений, наконец, правил, регулирующих словоупотребление и отбор стилистических синонимов. Кроме того, оппозитивность, занимающая важное место в русской коммуникативной компетенции, обуславливает многие содержательные, интерпретативные (прежде всего – оценочные) особенности русской коммуникации: так, нравственная оценка, в том числе экстремальная, распространяется на многие аспекты и сферы коммуникации, что может показаться совершенно неожиданным для представителей других культур.

«Центробежность» русской культуры и ее проявления в языке и речи неоднократно рассматривались лингвистами. Так, по мнению В.А. Плунгяна и Е.В. Рахилиной, именно центробежность обуслови-

вает такие качества русского национального характера, как *щедлость* и *расхлябанность*, *хлебосольство* и *удаль*, *свинство* и *задушевность* – эти обозначения качеств (в отличие, напр. от слова *аккуратность*) в языке легко сочетаются с эпитетом *русский* [Плунгян, Рахилина 1996: 340-351].

Истоки коммуникативной оппозитивности находят в традициях русской народной культуры, прежде всего, ее особой личности, проявляющейся, с одной стороны, в ласковости и сердечности речи на диалекте, экспликации межличностной теплоты и приязни (ср. внутреннюю форму традиционных обращений к чужим людям *желанный*, *бажанный*, *матушка*, *милый*, *родимец* и под.) [Гольдин 1997а: 17-18], а с другой стороны – в грубости и даже агрессивности в тех ситуациях, которые скорее всего не вызвали бы агрессии в общении не на диалекте. Пример таких допустимых на диалекте грубых форм (правда, отношение к ним иное, чем в литературном языке) приводит В.И. Жельвис: «Заботливая крестьянка сказала автору: *«Тут вода на лавке пролита, не замочи ж..у-то!»*, проявив внимание к гостю и уж никак не желая его оскорбить. В речи же крестьян о животных – это и вовсе единственно возможное слово» [Жельвис 1997: 140, 2012]. Характерно, что в общении на диалекте не различаются речевые ситуации *спора* и *ссоры* [Гольдин 1997а: 18]; ср.: *Поругались старушки. И ведь вот дурная деревенская привычка: двое поругаются, а всю родню с обеих сторон сюда же пришьют. Никак не могут без этого! Всех помянут и всех враз сделают плохими – и живых, и покойных, всех.* (В.М. Шукшин). Для многих русских в тягость участие в личностно нейтральном общении типа *светской беседы* [Стернин 2003а], являются естественными подмены или в сторону дружеского общения, или конфликтного общения.

Более частными проявлениями общей оппозитивности культуры в русской речевой коммуникации и русском языке являются, с одной стороны, слабая проработанность системы нейтральных обращений или положительно-оценочных определений, в том числе диминутивных, которые одновременно используются в качестве обращений (*милый* и *миленький*, *родной*, *родимый* и *родимец*, *дорогой*, *уважаемый*, *любезный*, *желанный*), жанров праздноречевой личностно нейтральной фатикой типа английского *small talk* и т. д.

С другой стороны, обращает на себя внимание обостренное внимание в русском языке и речи к нюансам ухудшения межлич-

ностных отношений – ср. обширный набор отрицательно-оценочных, обценных определений/обращений, номинаций для ситуаций конфликтной коммуникации (*брань*; *выяснение отношений*; *дерзость*; *диссонанс*; *допрос*; *жалоба*; *злопожелание*; *издевка*; *инвектива*; *инсинуация*; *клевета*; *кляуза*; *колкость*; *конфликт*; *«лаяться»*; *нагоняй*; *насмешка*; *нотация*; *нравоучение*; *обвинение*; *окрик*; *оскорбление*; *осуждение*; *отповедь*; *перебранка*; *пикировка*; *показать, где раки зимуют*; *показать Кузькину мать*; *попрек*; *порицание*; *«посылание»*; *похвальба*; *препирательство*; *пререкание*; *претензия*; *приговор*; *придирки*; *проклятие*; *проработка*; *разбирательство*; *разговор с позиции силы*; *разоблачение*; *разрыв отношений*; *расплеваться*; *ропот*; *ругань*; *сарказм*; *сговор*; *скандал*; *сплетня и сплетничание*; *спор*; *ссора*; *угроза*; *уловка*; *ультиматум*; *уничтожение*; *укор*; *упрек*).

Следствием названной оппозитивности, полярности стало существование *д в у х коммуникативных идеалов*, причем, несмотря на общекоммуникативную и общезыковую непроработанность «центра», именно на него сориентирован второй, хронологически более поздний коммуникативный идеал (он близок к нормам поведения *светского человека XVIII-XIX веков* и, возможно, *гламурного персонажа рубежа XX-XXI веков*, хотя о последнем можно говорить лишь предположительно). В каком-то смысле это закономерно: поскольку в «среднестатистическую» коммуникативную компетенцию не входит владение «центром», признаком коммуникативной элитарности считается *в л а д е н и е* этим самым центром.

Поэтому в центре нашего внимания оказывается коммуникативная категория / ценность, которая обусловлена названными выше ключевыми концептами и одновременно сама наполняет их особым значением, – категория *персональности*, неразрывно связанная значимыми отношениями со своей противоположностью – имперсональностью / безличностью / официальностью. Именно русская персональность очерчивает контуры «хорошей» русской коммуникации, шире – взгляд на мир, населенный, созданный или тождественный «своим», как и на мир «чужих».

Оппозиция персональности ~ имперсональности (или ее близкие аналоги: оппозиции неофициальности ~ официальности, персональности ~ институциональности/ритуальности, личностности ~ безличности, «частной жизни» ~ «общественной жизни», или, забегая вперед, оппозиция [Р] ~ [–Р]) определяет многие языковые и коммуникативно-речевые явления – в лексике, идиоматике, грамматике русского языка, вербальной и невербальной коммуникации, фатической коммуникации и ее жанрах, речевом этикете; данная оппозиция охватывает практически все сферы современной русской речи – масс-медиа, политическую коммуникацию, жаргонно-обшечное общение, смеховую коммуникацию, а также русскую художественную литературу, как будет показано в главах настоящей монографии.

Таким образом, в русской коммуникации выделяются некоторые особые сферы и жанры, принципиально противопоставленные идеологической окраске общего коммуникативного пространства, – это сферы, в которых неприменима полярная нравственная оценка, либо сферы, ориентированные на «центр» (который сам по себе противостоит идее полярности). Главная из таких сфер – сфера лично нейтральной, прежде всего официальной коммуникации.

Связанные с этой сферой типичные коммуникативные ситуации, речевые и языковые средства (включая конкретные лексемы) являются маркированными в русской коммуникации, они принципиально противопоставлены «обыкновенным словам», причем это именно такое противопоставление, какое в целом свойственно русской традиционной культуре, то есть *нравственное и полярное*.

Многие исследования, осуществленные на материале русского языка в связи с разнообразными аксиологическими и лингвокультурными категориями в русском языке и речи, русской языковой и коммуникативно-речевой компетенцией, русской языковой картиной мира [Иванов, Топоров 1965; Воркачев 2003; Зализняк, Левонтина, Шмелев 2005], выявляют противопоставление двух общих и наиболее существенных характеристик общения – личного и неличного. Это противопоставление касается и русского литературного языка

(и соответствующей «литературно-языковой картины мира»), и нелитературных стратов. Возможно, истоки данного противопоставления (как и всех базовых культурно-коммуникативных норм, приоритетов, сценариев, категорий) проистекают из первичных, необработанных (непосредственных, устных, бесписьменных) сфер речевого общения – диалектов, наддиалектного койнэ / просторечия, а также жаргонов [Гольдин 1997а; Балаян 2006; Шалина 2010]). Так, исследования многих норм общения на русском языке (разных сфер, стилей, жанров), зафиксированных в лексике и идиоматике, в том числе оценочных и метафорических номинациях, показали, что единственным по-настоящему релевантным параметром, по которому противопоставляются речевые жанры в жаргонно-просторечной картине мира, является противопоставление «официальной» и «неофициальной» сфер жизни и коммуникации, при этом отрицательно оценивается не только всё, связанное с представителями власти, но и сам факт вступления в официальные отношения [Балашова 2008; 2009]. К подобным выводам приходят многие специалисты по русской функциональной стилистике [Булаховский 1975; Кожина 1993; Романенко 1992].

Следует различать *универсальную* и *национально-специфическую* составляющие оппозиции личности ~ имперсональности. Отметим, что первая составляющая уже широко рассмотрена в мировой философии, логике, культурологии, социологии, социолингвистике и собственно лингвистике; вторая же – национальная, *русская* составляющая, которой посвящена основная часть нашего исследования, осмыслена значительно хуже, фрагментарнее.

Так, в философии, начиная с платоновского противопоставления *хаоса* и *космоса*, широко рассматривались оппозиции, универсальные для всех человеческих коллективов. Согласно Платону, неупорядоченная материя («хаос») «чрезвычайно странным образом участвует в мыслимом и до крайности неуловима», по-видимому, потому, что в ней невозможно установить причинность и взаимообусловленность, – хаос невозможно обычным, «простым», способом помыслить, поскольку сами законы мышления созиждены на принципе причинности и тождества, что само по себе уже предполагает упорядоченность, нехаотичность, т. е. отрицание хаоса в мыслимом. При этом в приведенных суждениях Платона о неупорядоченной материи имеется в виду то принципиально иное, нежели нынешнее, состояние мира, в котором

свойственно находиться всему, «чего еще не коснулся бог». Соответственно, сама констатация хаоса (или космоса) находится в прямой зависимости от субъекта созерцания, или субъекта рефлексии (ср. платоновскую «субъектность», предполагаемую в «мыслимом» и «неуловимом»). Это со всей определенностью переводит рассуждение о хаосе и космосе в область того, как воспринимаются хаос и космос, каковы критерии их выявления [Логический анализ языка 2003].

В современной лингвистике и лингвокультурологии традиционная оппозиция «*космос*» ~ «*хаос*» рассматривается в связи с близкими оппозициями (иногда тождественными, иногда смежными, иногда находящимися с данной оппозицией в гипо-гиперонимических отношениях), такими как *свой* ~ *чужой*. Так, по сути к противопоставлению *хаоса* и *космоса* восходят все выделяемые Вяч. Вс. Ивановым и В.Н. Топоровым бинарные оппозиции, сформировавшиеся в мифологическом сознании древних славян (*счастье* ~ *несчастье*, *жизнь* ~ *смерть*, *чет* ~ *нечет*, *правый* ~ *левый*, *верх* ~ *низ*, *сухой* ~ *мокрый*, *мужской* ~ *женский*, *сакральный* – *мирской* и др.) [Иванов, Топоров 1965]. Исследователями отмечается, что бинарная оппозиция *кривды* с *правдой* в глубокой древности была частным случаем пространственной оппозиции *левый* ~ *правый* [Там же: 96-97], которая, как указывает Е.Е. Стефанский, и по сей день является структурообразующей для всех славянских лингвокультур, трансформируясь в области морали и права в оценочные определения наподобие *наше дело правое*; *он прав*; *правомерный* ~ *левые деньги*; *левый товар*; *сходить налево* [Стефанский 2009]. К оппозиции «*космос*» ~ «*хаос*» восходят многие содержательные, логические, оценочные оппозиции, которыми оперируют при составлении психологических, социологических, структурно-антропологических, эстетических моделей [Агранович, Березин 2005; Михайлин 2001]. Отмечается, что русская (шире – славянская) культура особенно тяготеет к хаосу в оппозиции хаоса и космоса [Логический анализ языка 2003; Стефанский 2009].

В то же время распределение на «свое» и «чужое» лишь частично пересекается с противопоставлением «космоса» и «хаоса»: «свое» может включать и немалую долю «хаоса», которая в данном случае воспринимается как необходимая (например, для эмоционального комфорта) – а излишняя доля «космоса», то есть упорядоченности, организованности, воспринимается негативно (в разных национальных культурах это распределение, естественно, осуществляется по-разному). Так, *русской душе*, по данным русских пословиц, фразеологизмов, текстов русской классической литературы, противопоставлено излишне логично-рациональное отношение к жизни, а имеющий долгую историю протест *русской души* против навязываемой государ-

ственной машиной («немецкой») обезличенности блестяще отобразили, с одной стороны, Н. Гоголь и А. Герцен (применительно к Николаевской России), с другой стороны – М. Зощенко и К. Чуковский (применительно к Советской России). Точно так же, например, солдат Швейк выступает как *чех* – против *немецкой* казенщины, и в большинстве случаев его скрытая издевка направлена не столько против начальства как такового, сколько против *немецкого* начальства.

Конечно, противопоставление официальности ~ неофициальности есть практически во всех культурах, где выделяется институт власти и ее представителей, и везде приходится говорить о неизбежных противоречиях (более или менее драматичными противоречиями между «членами» данной оппозиции в значительной степени определяется благополучность или неблагополучность данного социума).

В русской культуре, в соответствии с уже названными ее особенностями, эта оппозиция особо коммуникативна, нравственно оценочна и нравственно-коммуникативна. Универсальная оппозиция официальности ~ неофициальности, которая, по всей видимости, изначально выступала как оппозиция культурно-политическая, в истории русской культуры переосмысливается как скорее социально-психологическая; при этом наиболее значимым становится такой аспект данной оппозиции, как противопоставление *официальности* и *персональности*.

Сам по себе данный коммуникативный аспект также является универсальным: во всех культурах оппозиция официальности ~ неофициальности шире, чем только коммуникативная, но именно с выделения особой сферы *общения* власти и народа, которое должно было отличаться от «обыкновенного» общения людей, власть начинает осознавать и себя, и свое выделение – как и народ начинает осознавать ее; соответственно становится востребованной и особая нормативность, и особые символические системы.

Кроме того, по-видимому, во всех культурах, с развитием оппозиции официальности ~ неофициальности и собственно члена официальности в ее составе, уже не официальность, а неофициальность становилась *активной*: она *активно* стремилась про-

тивопоставить себя официальной идеологии и языку, используя для этой цели самые разные средства (начиная от средневекового карнавала [Бахтин 1990] и заканчивая «антитоталитарными языками», развившимися в странах соцлагеря в XX веке [Вежбицкая 1993]).

В то же время именно в этом коммуникативном аспекте можно говорить о целом ряде серьезных отличительных особенностей, присущих категории неофициальности / персональности в России.

В самом общем виде их можно свести к следующим:

- власть – изначально нерусская, «немецкая» («с Рюрика»);
- долгий период крепостного права, «Россия – тюрьма народов». О жестоких и несправедливых отношениях власти и народа можно судить по многочисленным известным случаям, когда честные люди оказывались несовместимы с институтами власти и либо изгонялись, либо уходили сами (ср. реальную биографию А.Н. Радищева, вымышленную биографию Чацкого в «Горе от ума»);
- (отсюда) ставшее очень широко распространенным и даже традиционным недоверие к власти, нелюбовь к ней: от власти не ждут справедливости – тем более *правды, милосердия* и т. д.;
- (отсюда) русский иррациональный, нерасуждающий страх перед «властью вообще» и ее отдельными представителями, особенно пагубный в психологическом плане, калечащий душу человека (данный аспект широко отображен в художественной литературе, особенно сатире, начиная с Н.В. Гоголя, М.Е. Салтыкова-Щедрина, А.П. Чехова);
- часто отмечается, что данное качество сочетается с нежеланием и неспособностью широких народных масс к самоорганизации, к тому, чтобы естественным образом породить власть «снизу» и участвовать в ней.

Ср.: «Веками у русских не развивалось правосознание, столь свойственное западному человеку. К законам было всегда отношение недоверчивое, ироническое: де разве возможно установить заранее закон, предусматривающий все частные случаи? ведь они все непохожи друг на друга. <...> Сюда примыкает и вековое отчуждение нашего

народа от политики и от общественной деятельности. Как отметил Чаадаев, по русским летописям прослеживается “глубокое воздействие власти... и почти никогда не встретишь проявлений общественной воли”. <...> Тем более <русский дух> не стремился к власти: русский человек сторонился власти и презирал её как источник неизбежной нечистоты, соблазнов и грехов. В противоречие тому – жаждал сильных и праведных действий правителя, ждал чуда. <...> Отсюда проистекла наша нынешняя губительно малая способность к объединению сил, к самоорганизации, что более всего вредит нам сегодня». (А. Солженицын. Россия в обвале)

• наконец (возможно, понимая глубокую болезненность, «ненормальность» таких отношений власти и народа), именно в России неоднократно пытались «примирить» члены данной оппозиции – именно так возникли, например, нормы светского общения (*светская беседа*) и – позже – *канцелярит*, *«партийная речь»* (ср. использование родственно-задушевных характеристик по отношению к Сталину в советской прессе 1930-х гг: *родной, любимый, отец* [Романенко 2000]) и т. д.

Вполне естественно, что попытки эти никогда не были успешными не только в «правовом», нравственном или логическом смысле, но и в собственно коммуникативном и языковом: в результате оппозиция *народа и власти*, как и реализующая ее в общенациональном языке и отдельных его стратах (особенно нелитературных) коммуникативная оппозиция *персональности и официальности* не перестала существовать, даже не перестала быть полярной. Забегая вперед, отметим, что и *светская беседа*, и *канцелярит* (и в наши дни *гламур*) очень быстро включились в культурном и языковом отношении в «правый член» данной оппозиции.

Следует подчеркнуть, что исследование системы русских коммуникативных ценностей как важной составляющей русской культуры потребовало от нас привлечения достаточно обширного **культурного** фона, соответственно в настоящей монографии мы должны были представить хотя бы краткий обзор огромного числа работ (начиная от философских, научных исследований и кончая высказываниями многих практиков – публицистов, писате-

лей, эмигрантов-билингвов), посвященных «русскому национальному характеру».

Конечно, само по себе представление такого обзора в научном издании сопряжено с целым рядом объективных и субъективных трудностей, которые связаны, прежде всего, с большим числом и разнообразием более или менее распространенных и более или менее остроумных *стереотипов* (понятно, что стереотипы сами не составляют научных положений, но исследователь должен принимать их во внимание). В то же время, в силу изначально практической ориентации при формировании и использовании, стереотипы менее противоречивы, чем другая часть нашего материала – философские, эстетические, публицистические, антропологические и антропоцентрические (вплоть до откровенно политико-конъюнктурных) положения общего характера, которые, вообще говоря, смущают нас гораздо больше, чем стереотипы, в силу своей иногда крайней *оценочности*, начиная от возвышающих неkritичных утверждений об *«исключительности»*, *«богоизбранности»* и заканчивая унижающими, такими как *«врожденное рабство»* и *«стихийная склонность к пьянству, воровству и погромам»*.

Характерно замечание, сделанное в статье «Что русскому здорово, то немцу – смерть» (Иностранец. 1996. № 17): «По отношению к русским все европейцы сконструировали достаточно двойственную мифологию, состоящую, с одной стороны, из историй о русских князьях, борзых, икре-водке, русской рулетке, неизмеримо широкой русской душе, меланхолии и безудержной отваге; с другой же – из ГУЛАГа, жуткого мороза, лени, полной безответственности, рабства и воровства» [Цит. по: Зализняк, Левонтина, Шмелев 2005: 54].

Безусловно, такая оценочность в исследованиях наиболее противоречит научному подходу, и мы хотели бы избежать ее, однако это было иногда почти невозможно, ибо именно оценочность составляет суть целого ряда подобных общих положений. Отметим появление в этом ряду серии лингвистических (или претендующих на «лингвистичность») исследований, которые иногда объединяют в понятие *«криптолингвистики»* (В.Н. Базылев [2009]), основными целями которой провозглашаются повыше-